

**TERTIUM NON DATUR:
К ПРОБЛЕМЕ ТЕРНАРНЫХ СИСТЕМ В СЕМИОТИКЕ Ю. М. ЛОТМАНА**

Липовецкий М. Н.

Колумбийский университет (Нью-Йорк, США)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9402-6583>

А н н о т а ц и я. В статье исследуется использование Юрием М. Лотманом концепции тернарной системы. Она рождается как ответ на ограничения семиотических моделей, основанных на бинарных оппозициях. В то же время бинарности для Лотмана тесно связаны с культурной динамикой России, и поэтому это, казалось бы, «чистое» теоретическое понятие оказывается сильно нагруженным политическим смыслом. Б. М. Гаспаров, В. Живов и М. Вальдштейн показали, что лотмановская дуалистическая интерпретация русской культурной динамики оживила оппозицию Россия/Запад как центральную для интерпретации российской культурно-исторической динамики («Роль дуальных моделей...»). В 1980-х годах Лотман представил идею тернарной системы как снятия бинарных систем; применив ее к повседневной жизни («быту») на примере Пушкина, Толстого и Чехова, он открыл возможность вскрыть взрывоопасный политический смысл, скрытый в позднесоветской потребительской и бытовой культуре, однако это направление никогда не затрагивалось даже с помощью эзоповского языка. В работе постсоветского периода «Культура и взрыв» тернарная модель была окончательно применена к политическим процессам, но одновременно Лотман объявил ее нереализуемой. В статье предпринята попытка объяснить, почему лотмановская концепция русской культуры отбрасывает тернарные модели, несмотря на серьезные попытки встроить их в культурную традицию, и как это «заикание» отражало внутреннюю ограниченность позднесоветской самоконцептуализации (метаописания) через идеи московско-тартуской семиотики.

К л ю ч е в ы е с л о в а: концепция русской культуры; культурная семиотика; бинарные и тернарные модели; «Культура и взрыв».

Д л я ц и т и р о в а н и я: Липовецкий, М. Н. Tertium Non Datur: к проблеме тернарных систем в семиотике Ю. М. Лотмана / М. Н. Липовецкий. – Текст : непосредственный // Филологический класс. – 2022. – Т. 27, № 1. – С. 63-67.

**TERTIUM NON DATUR:
A PROBLEM OF THE TERNARY SYSTEM IN YURI M. LOTMAN'S SEMIOTICS**

Mark N. Lipovetsky

Columbia University (New York, USA)

ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9402-6583>

A b s t r a c t. The paper will explore Yuri M. Lotman's uses of the concept of a ternary system. It is born as a response to the limitations of the semiotic models based on binary oppositions. At the same time, binaries for Lotman are closely connected to Russia's cultural dynamic, and therefore, this seemingly "pure" theoretical concept appears heavily charged with political meanings. As B. M. Gasparov, V. Zhivov, and M. Waldstein demonstrated, Lotman's dualist interpretation of Russian cultural dynamics revitalized the opposition Russia/West as the central for the interpretation of Russia's cultural and historical dynamics ("Rol dual'nykh modelei..."). In the 1980s, Lotman has introduced the idea of a ternary system as an overlap of two binary systems; having embedded it in the everyday life ("byt") and exemplified by Pushkin, Tolstoy, and Chekhov, he opened up the possibility to reveal the explosive political meaning hidden in late Soviet consumerist and everyday culture, yet, this direction has never been explored, even by the means of the Aesopian language. In the work of post-Soviet period Culture and the Explosion, the ternary model has been finally applied to political processes yet at the same time Lotman simultaneously declared it unrealizable. The paper will attempt to explain why Lotman's concept of Russian culture has ejects ternary models, despite earnest attempts to embed them in cultural tradition, and how this "stutter" was reflective of internal limitations of the late Soviet self-conceptualization (meta-description) through the Moscow-Tartu semiotics.

Key words: the concept of Russian culture; cultural semiotics; binary and ternary models; "Culture and the explosion".

For citation: Lipovetsky, M. N. (2022). Tertium Non Datur: A Problem of the Ternary System in Yuri M. Lotman's Semiotics. In *Philological Class*. Vol. 27. No. 1, pp. 63-67.

Ю. М. Лотман и Б. А. Успенский определили специфику русской модели культуры как «принципиальную полярность, выражающуюся в дуальной природе ее структуры» [Лотман, Успенский 2002: 89]¹. Это означает, что основные культурные ценности русской культуры «располагаются в двухполюсном ценностном поле, разделенном резкой чертой и лишенном нейтральной аксиологической зоны» (с. 90), что вызывает формирование принципиально катастрофического типа культурной динамики:

Дуальность и отсутствие нейтральной аксиологической сферы приводило к тому, что новое мыслилось не как продолжение старого, а как эсхатологическая смена всего... Новое возникало не из структурно «неиспользованного» резерва, а являлось результатом трансформации старого, так сказать, выворачивания его наизнанку. Отсюда в свою очередь повторные смены могли фактически приводить к регенерации архаических форм (с. 90).

Таким образом, русская культура всегда содержит в себе как минимум две непримиримые друг к другу парадигмы и потому всегда заряжена конфликтом, чревата взрывом, столкновением скрытого и явного, внешнего и внутреннего. Она всегда порождает оксюморонные сочетания несовместимых элементов (вроде авторитарного террора как метода «либеральной модернизации» при Петре I или крепостных гаремов у просвещенных русских дворян XVIII века). Но принципиальное отличие русской традиции от западной модели культуры состоит не в оксюморонных сочетаниях контрастных культурных элементов – их можно найти в любой культуре – а именно в отсутствии «аксиологически нейтральной сферы» – зоны компромисса, семиотического пространства, аналогичного чистилищу католического вероучения²: «...Нейтральная сфера

становится структурным резервом, из которого развивается система завтрашнего дня... Наличие нейтральной сферы в западном средневековье приводило к тому, что возникала некоторая субъективная непрерывность между отрицаемым сегодняшним и ожидаемым завтрашним днем» (с. 89). Проецируя эту идею на постмодернистскую ситуацию, можно сказать, что именно нейтральная сфера, константная для западной культуры, и порождает то, что Деррида называет «свободной игрой», а Лиотар – паралогической легитимацией: именно на этом поле разворачиваются гетерогенные языковые игры между локальными дискурсами, подрывающие диктатуру макронарративов. Поэтому отсутствие чистилища в православном вероучении и нейтральной сферы в русской культурной традиции не могло не деформировать сам характер постмодернистской паралогии.

Продолжением работы о дуальных моделях стала не менее известная статья Лотмана «О русской культуре классического периода». В русской классике XIX века ученый обнаруживает уже не один (описанный выше), а два структурных модуля: бинарный и тернарный. Первый не только воспроизводит традиционные модели, но и предельно их обостряет. Наиболее представительны для этого модуля Лермонтов, Гоголь и Достоевский: «Для названных писателей характерны бинарные антитезы: антитеза греха и святости, демона и ангела... Выделение двух полюсов как основного организатора структуры неизбежно приводит к специфическому типу динамики сюжета. Он складывается не только как борьба между полюсом зла и полюсом

гии – могут быть найдены в той интерпретации православия, которую предлагает Ю. Кристева: «За очевидными положительными сторонами такой формы религиозного опыта скрывается такое мощное проявление нигилизма, какого не знала западная культура. В противоположность картезианскому “Я мыслю, следовательно, существую” смысл православной веры таится в словах: “Я – Бог, таковым не являющийся”. Соединение абсолюта с ничто. Стремление к полному господству и к полному уничтожению» [Кристева 1997: 167]. (Курсив автора).

¹ В следующих абзацах страницы указываются по этому изданию в основном тексте в круглых скобках после цитаты.

² Иные (впрочем, не опровергающие теорию Лотмана и Успенского) предпосылки дуальности русской культуры, – и яркий пример постмодернистской парало-

добра... Он может реализовываться и как более сложная модель – путь к добру через *предельную степень зла*» [Лотман 1997: 596. Далее в этом абзаце страницы указанной статьи даны в основном тексте в круглых скобках после цитаты].

Однако параллельно в XIX веке складывается и тернарная модель, включающая, помимо мира добра и зла, и «мир, который не имеет однозначной моральной оценки и... оправдан самим фактом своего бытия» (с. 598). Тернарная модель, по Лотману, «образуется от пересечения по крайней мере двух бинарных и в этом смысле внутренне противоречива» (с. 599). Примеры таких противоречивых компромиссов, рождающих третий, нейтральный план, Лотман видит в творчестве Пушкина, Толстого и Чехова. При этом он отмечает, что «начало и конец (Пушкин и Чехов) образуют значительно более сложные системы» внутри этой модели. Не удивительно, что именно Пушкин (и в особенности «Евгений Онегин») и Чехов были осознаны русским постмодернизмом как его своеобразные «предтечи» [Парамонов 1994: 74-76]: преодоление бинарных оппозиций составляет важнейший элемент постмодернизма, постструктурализма и постмодернистской культуры в целом [Ильин 2001: 30]¹.

Русский постмодернизм, формируясь в неофициальном искусстве 1960-х–70-х годов, находился в осознанной оппозиции по отношению ко всему спектру разрешенных дискурсов советской культуры, с этой точки зрения в значительной степени наследуя именно бинарной традиции. Предельное обострение бинарных оппозиций, укорененное в русской культуре, получило дальнейшее развитие в советском и эмигрантском постсимволизме 1920-х–30-х годов. Столкновение полюсов, которое в бинарной модели русской классики осуществлялось на уровне сюжета, в русском авангарде и постсимволизме проникает на уровень

«молекулярной структуры» текста – словесной и семантической микроструктуры. Не случайно Р. Дёринг и И. П. Смирнов определили доминирующий троп русского исторического авангарда как *катахрезу*, которая обнаруживается на любом уровне текста – от синтаксиса до пространственно-временной и сюжетной организации – и всюду генерирует «*противоречие* внутри целого: выделяет одно из его слагаемых в качестве исключительного, утверждает, что целое не равно сумме его частей, либо демонстрирует, что оно состоит из гетерогенных единиц» [Дёринг-Смирнова, Смирнов 1980: 404]. Й. ван Баак усложняет эту характеристику, добавляя к катахрезе категорию деиерархизации, вытекающую из принципиальной неканоничности исторического авангарда. Тем не менее, по мысли исследователя, деиерархизация в сочетании с катахрезой не отменяет, а интенсифицирует бинарность:

Деиерархизация (ослабление, снятие) оппозиций: центр – периферия, передний план – задний план, внутреннее – внешнее, Я – не-Я/мир, в сочетании с отделением овеществленных или олицетворенных психических функций и частей личности встречается нередко в авангардистской литературе в контекстах резких конфликтов или в ситуациях с обостренной тематикой вообще [ван Баак 1987: 4].

Интересно, что такое понимание авангардной эстетики перекликается с бахтинским разбором «Бобка» Достоевского и в особенности с тем, как реализуется в этом рассказе мениппейная провокация – *анакриза* («Достоевский – великий мастер анакризы» [Бахтин 1994: 350]). Позволим себе несколько расширительно прочитать следующий фрагмент работы Бахтина: «...создается исключительная ситуация: *последняя жизнь сознания...* освобожденная от всех условий, положений, обязанностей и законов обычной жизни, так сказать, *жизнь вне жизни*» [Бахтин 1994: 351]. Эти слова могут быть отнесены не только к «Бобку», но и к авангардной деиерархизации в целом. Именно ситуация «жизни вне жизни» предполагает максимальную и предельную реализацию всех до того скрытых и связанных «гнилыми веревками» противоречий и конфликтов: «Анакриза, прово-

¹ «Смысл постструктуралистской критики структурализма заключается в разрушении доктрины бинаризма, – пишет И. Ильин. – Это достигается... доказательством наличия такого количества многочисленных различий, которые в своем взаимоотношении друг с другом ведут себя настолько хаотично, что исключают всякую возможность четко организованных оппозиций» [Ильин 1991: 30].

цирующая сознания мертвецов раскрыться с *полной*, ничем не ограниченной *свободой*. И они раскрываются» [Там же].

Если, развивая Бахтина, утверждать, что авангардная конфликтность восходит к Достоевскому и к «демоническому» или к карнавальному обнажению и выворачиванию иерархических оппозиций, то соцреалистическая бинарность возрождает «позитивный», трансцендентальный аспект той же самой литературоцентрической квази-религиозности. Как показала еще К. Кларк, соцреалистическая система оппозиций опирается на архаические, фольклорные и средневековые типы бинарности, представленные в своем первоначальном, непревращенном виде в мифе, сказке, агиографии. «Феноменология сознания массы продуцирует соответствующий тип политической мифологии, упрощенной до бинарных противопоставлений: свой – враг, патриот – отщепенец, хаос – порядок, разрушение – сидание, родина – чужбина и т. д. ...Тоталитарные культуры рождаются как реакция доперсоналистических архетипов <...> на постоянный процесс развития и усиления личностного начала», – пишет Е. Добренко [Добренко 2000: 32]¹, сравнивающий соцреализм с миром детства (в измерении одной человеческой жизни) и первобытной стаи (в измерении истории). На этой же почве вырастает и «негативная антропология соцреализма» (И. П. Смирнов), отсюда же и восприятие фольклора «как архетипического идеала для литературы соцреализма» (У. Юстус). Вспоминаются в

¹ Сходные идеи – правда, не по отношению к соцреализму – развивал Э. Канетти в своей книге «Масса и власть» (1960).

Литература

- Бахтин, М.М. Проблемы творчества Достоевского // Проблемы поэтики Достоевского / М. М. Бахтин. – Киев, 1994.
- Дёринг-Смирнова, Р. «Исторический авангард» с точки зрения эволюции художественных систем / Р. Дёринг-Смирнова, И. П. Смирнов // Russian Literature. – 1980. – Vol. VIII, № 5. – С. 403-468.
- Добренко, Е. Соцреализм и мир детства / Е. Добренко // Соцреалистический канон / под ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. – СПб. : Академический проект, 2000. – С. 32-41.
- Ильин, И. Постмодернизм: Словарь терминов / И. Ильин. – М. : Интрада, 2001. – 384 с.
- Кристева, Ю. Болгария, боль моя / Ю. Кристева ; пер. с фр. Е. Богатыренко. – Текст : электронный // Иностранная литература. – 1997. – № 10. – URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/1997/10/bolgariya-bol-moya-perevod-s-franczuzskogo-e-bogatyrenko.html> (дата обращения: 22.02.2022).
- Курицын, В. Русский литературный постмодернизм / В. Курицын. – М. : ОГИ, 2000. – 286 с.
- Лотман, Ю. М. Культура и взрыв / Ю. М. Лотман // Семиосфера. Культура и взрыв. Внутри мыслящих миров. Статьи, исследования, заметки. – СПб. : Искусство-СПб, 2001. – С. 12-148.

этом контексте и рассуждения Н. Бердяева о воспроизводстве христианского бинаризма в культуре и идеологии советского коммунизма (глава «Коммунизм и христианство» в книге «Истоки и смысл русского коммунизма» [1937]), и теории Карла Шмитта, обосновавшего в работах «Политическая теология» (1922) и «Понятие политического» (1932) [Шмитт 2000] необходимость переноса религиозных категорий на практику политической борьбы – что было с успехом осуществлено не только в советской, но и в нацистской культурах.

В этом контексте становится понятно, как русский постмодернизм, заряженный авангардным «геном», может наследовать одновременно радикально-инновационным и более традиционным стратегиям. Если учесть сказанное выше, то уже не покажется странным, что в русской культуре радикальные стратегии, создающие катастрофический разрыв со старым, не признающие компромиссов, идущие на обострение, и есть *самые традиционные*. Показательно в этом отношении и пронизательное замечание Лотмана, относящееся к самому началу посткоммунистического периода: «...Процесс, свидетелями которого мы являемся, можно описать как переключение с бинарной системы на тернарную. Однако нельзя не отметить своеобразие момента: сам переход мыслится в традиционных категориях бинаризма» [Лотман 2001: 145-146]. Эта характеристика, которую Лотман относил, видимо, в первую очередь к социальным особенностям перестройки, представляется весьма точной и по отношению к русскому постмодернизму.

“ART AND SCIENCE ARE TWO EYES OF HUMAN CULTURE”:
TO THE ANNIVERSARY OF Yu. M. LOTMAN'S BIRTH

- Лотман, Ю. М. О русской литературе. Статьи и исследования: История русской прозы, теория литературы / Ю. М. Лотман. – СПб. : Искусство-СПБ, 1997. – 848 с.
- Лотман, Ю. М. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // История и типология русской культуры. – СПб. : Искусство-СПБ, 2002. – С. 88-115.
- Парамонов, Б. Ион, Иона, Иonych / Б. Парамонов // Опыты. – СПб. ; Париж, 1994. – № 1.
- Шмитт, К. Политическая теология / К. Шмитт ; сост., общ ред. и ред. пер. с нем. А. А. Филиппова. – М. : Канон-Пресс-Ц, 2000. – 336 с.
- Van Baak, J. J. Авангардистский образ мира и построение конфликта / J. J. van Baak // Russian Literature. – 1987. – Vol. 21, No. 1. – P. 1-10.

References

- Bakhtin, M. M. (1994). Problemy tvorchestva Dostoevskogo [Problems of Dostoevsky's Creativity]. In *Problemy poetiki Dostoevskogo*. Kiev.
- Dyoring-Smirnova, R., Smirnov, I. P. (1980). «Istoricheskii avangard» s tochki zreniya evolyutsii khudozhestvennykh sistem [“Historical Avant-Garde” in Terms of the Evolution of Art Systems]. In *Russian Literature*. Vol. VIII. No. 5, pp. 403-468.
- Dobrenko, E. (2001). Sotsrealizm i mir detstva [Socialist Realism and the World of Childhood]. In Gyunter, H., Dobrenko, E. (Eds.). *Sotsrealisticheskii kanon*. Saint Petersburg, Akademicheskii proekt, pp. 32-41.
- Il'in, I. (2001). *Postmodernizm: Slovar' terminov* [Postmodernism: Glossary of Terms]. Moscow, Intrada. 384 p.
- Kristeva, Yu. (1997). Bolgariya, bol' moya [Bulgaria, My Pain] / transl. by E. Bogatyrenko. In *Inostrannaya literatura*. No. 10. URL: <https://magazines.gorky.media/inostran/1997/10/bolgariya-bol-moya-perevod-s-francuzskogo-e-bogatyrenko.html> (mode of access: 22.02.2022).
- Kuritsyn, V. (2000). *Russkii literaturnyi postmodernizm* [Russian Literary Postmodernism]. Moscow, OGI. 286 p.
- Lotman, Yu. M. (2001). Kul'tura i vzryv [Culture and Explosion]. In *Semiosfera. Kul'tura i vzryv. Vnutri myshchikh mirov. Stat'i, issledovaniya, zametki*. Saint Petersburg, Iskustvo-SPB, pp. 12-148.
- Lotman, Yu. M. (1997). *O russkoi literature. Stat'i i issledovaniia: Istoriya russkoi prozy, teoriya literatury* [About Russian Literature. Articles and Research: History of Russian Prose, Theory of Literature]. Saint Petersburg, Iskustvo-SPB. 848 p.
- Lotman, Yu. M., Uspensky, B. A. (2002). Rol' dual'nykh modelei v dinamike russkoi kul'tury (do kontsa XVIII veka) [The Role of Dual Models in the Dynamics of Russian Culture (Until the End of the 18th Century)]. In *Istoriya i tipologiya russkoi kul'tury*. Saint Petersburg, Iskustvo-SPB, pp. 88-115.
- Paramonov, B. (1994). Ion, Iona, Ionych [Ion, Iona, Ionych]. In *Opyty*. Saint Petersburg, Paris. No. 1.
- Shmitt, K. (2000). *Politicheskaya teologiya* [Political Theology] / ed. by A. A. Filippova. Moscow, Kanon-Press-C. 336 p.
- Van Baak, J. J. (1987). Avangardistskii obraz mira i postroenie konflikta [The Avant-Garde Image of the World and the Construction of Conflict]. In *Russian Literature*. Vol. 21. No. 1, pp. 1-10.

Данные об авторе

Липовецкий Марк Наумович – доктор филологических наук, профессор кафедры славянских языков, Колумбийский университет (Нью-Йорк, США).
E-mail: ml4360@columbia.edu.

Author's information

Lipovetsky Mark Naumovich – Doctor of Philology, Professor of Department of Slavic Languages, Columbia University (New York, USA).

Дата поступления: 10.02.2022; дата публикации: 30.03.2022 Date of receipt: 10.02.2022; date of publication: 30.03.2022